

КОРРУПЦИЯ КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Большинство политологов считает, что серьезных успехов в борьбе с коррупцией можно добиться лишь при наличии в стране эффективно функционирующих демократических институтов и развитого гражданского общества. Такая точка зрения имеет под собой серьезные основания. В различных международных рейтингах в лидерах по достигнутым результатам борьбы с коррупцией действительно находятся страны с устойчивыми демократическими порядками. Однако, во-первых, среди наименее коррумпированных стран есть и те, которые никак не отнесешь к категории демократических – например, Южная Корея (40-е место из 180 стран в международном коррупционном рейтинге за 2008 г., составленном экспертами известной неправительственной организации «Трансперенси Интернешнл»), Тайвань (39-е), Гонконг (12-е), Сингапур (4-е); а во-вторых, есть немало стран, причисляемых различными экспертами к категории демократических, но в то же время являющихся в высокой степени коррумпированными – например, Демократическая Республика Конго (171-е), Папуа-Новая Гвинея (155-е), Соломоновы острова (109-е), Аргентина (109-е), Бенин (96-е). Это заставляет усомниться в справедливости распространенного мнения о том, что политическая демократия и развитие гражданского общества являются едва ли не обязательными условиями успешной борьбы с коррупцией.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что бывшие республики Советского Союза (за исключением прибалтийских), а ныне независимые государства, в рейтинге «Трансперенси Интернешнл» занимают далеко не первые места (Грузия – 67-е, Молдова и Армения – 109-е, Украина – 134-е, Казахстан – 145-е, Россия – 147-е, Таджикистан и Белоруссия – 151-е, Азербайджан – 158-е, Узбекистан, Туркменистан и Киргизстан – 166-е). Не намного лучше обстоят дела и в целом ряде других посткоммунистических стран (Румыния – 70-е, Болгария и Македония – 72-е, Сербия и Черногория и Албания – 85-е, Босния и Герцеговина – 92-е, Монголия – 102-е, Вьетнам – 121-е). Этот ряд с полным основанием можно дополнить и другими странами «третьей волны» глобальной демократизации, начавшейся в 1974 г. Все это позволяет допустить, что высокий уровень коррупции в странах «третьей волны» стал следствием их демократизации, одной из издержек демократического транзита, отражением слабости его исходных институциональных и ценностно-нормативных предпосылок.

На это, в частности, обращают внимание российские ученые В.М. Полтерович и В.В. Попов: «Быстрая демократизация, как и всякая фундаментальная реформа, создает массу возможностей для злоупотреблений и извлечения ренты, – пишут они. – Один из механизмов подрыва институтов при быстрой демократизации, низкой политической культуре и слабой судебной системе может быть вкратце описан следующим образом. В результате демократизации граждане, подавляющее большинство которых не интересуется политикой и не разбирается в политических программах, получают право голоса – ресурс, им совершенно не нужный, но обладающий потенциальной ценностью для организованных политических группировок. При слабом правопорядке это создаст почву для торговли голосами и расцвета политической коррупции, причем субъектами коррупционных сделок становятся не

только чиновники, а и значительная часть населения. *В таких условиях демократия превращается в рынок голосов, парламентарии отражают интересы лоббистов, должности и решения покупаются и продаются. Расцветает коррупция, снижение качества институтов подавляет экономической рост.* В слабых (нелиберальных) демократиях возникают и слабые правительства, подверженные давлению лоббистских организаций и популистских групп; *чиновники и законодатели становятся продажными и легкоуправляемыми*. [1]

Именно поэтому, по мнению В.М. Полтеровича и В.В. Попова, более предпочтительным вариантом модернизации оказывается так называемая «отложенная демократизация», примерами которой являются такие страны, как Тайвань, Южная Корея, Сингапур и Чили до конца 1980-х гг., Китай до сегодняшнего дня и особенно – Гонконг, «где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что, однако, не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию – родину демократии – по уровню экономического развития. И при англичанах, и при коммунистическом китайском правительстве закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии там как не было, так и нет». [2] И наоборот, страны Латинской Америки и Африки, избравшие вариант ускоренной демократизации без учета степени зрелости внутренних предпосылок, в течение всего послевоенного периода все более отстают по темпам роста ВВП на душу населения и не могут добиться успехов в борьбе с коррупцией.

Таким образом, делают выводы ученые, «в странах с хорошим качеством институтов (низкой коррупцией, высоким уровнем правопорядка и инвестиционного климата) демократизация благотворно воздействует на институциональное строительство и экономический рост, а в странах со слабыми институтами демократизация ведет к их дальнейшему ослаблению и подрывает рост. ...Быстрое введение демократии в авторитарных странах со слабым правопорядком может быть сопряжено со множеством отрицательных экономических и социальных последствий». [3]

При всей своей внешней убедительности такой подход вовсе не является бесспорным. Видеть в политическом авторитаризме едва ли не панацею от коррупции было бы таким же заблуждением, как и строить иллюзии в отношении демократии. Да, есть вдохновляющие примеры успешной борьбы с коррупцией Южной Кореи, Сингапура или Гонконга, но ведь есть и немало других примеров. Разве не в условиях авторитаризма рождались клептократические режимы диктаторов Альфредо Стресснера в Парагвае (1954–1989 гг.), Мобуту Сесе Секо в Заире (1965–1997 гг.) или Франсуа Дювалье (1957–19971 гг.) и его сына Жан-Клода Дювалье на Гаити (1971–1986 гг.)?

Авторитаризм, конечно, может добиться реальных успехов в борьбе с коррупцией. Но для этого требуется такое условие, как политическая воля государства и наличие авторитетного лидера-реформатора, способного последовательно проводить антикоррупционную политику и консолидировать элиту и общество, убедив их в необходимости такой политики. В том-то, однако, и дело, что в большинстве посткоммунистических стран таких лидеров и такой элиты на момент начала демократического транзита просто не оказалось. Большинство представителей посткоммунистической элиты воспринимали власть сугубо утилитарно – как социальный ресурс, обладание которым открывает им (и их близким) путь к материальному благополучию. Подобное восприятие власти низводит последнюю до уровня «чистой

технологии» умножения личного успеха. Сколько уже коррупционных скандалов с участием самых высоких должностных лиц случилось в бывших республиках СССР – не честь! Слишком тяжелым, видно, оказалось для многих из этих людей бремя власти и сопутствующих ей искушений. Не все удалось устоять.

Не видеть того, что именно демократизация посткоммунистических стран послужила толчком к утверждению в обществе многих, мягко говоря, сомнительных социальных (в том числе и коррупционных) практик, – значит, заниматься самообманом. Но и утверждать, что демократизация – «ступиковый путь» в борьбе с коррупцией, было бы тоже неверно. Скорее, всплеск коррупции в этих странах стал побочным продуктом ускоренной политической демократизации, в ходе которой имело место не критическое – без учета внутренних условий – заимствование зарубежного опыта антикоррупционной борьбы.

Поэтому наиболее предпочтительным путем такой борьбы представляется не возврат к авторитаризму, а «консолидация демократии», предполагающая совершенствование созданных в ходе демократического транзита институтов и правил игры. Только он дает реальную надежду на то, чтобы сначала остановить рост коррупции, а затем приступить к планомерному снижению ее масштабов. Ведь если даже при относительной свободе прессы, неразвитой политической конкуренции и скромном влиянии гражданского общества в странах «демократического транзита» имеют место значительные масштабы коррупции, то трудно представить, чтобы они были меньшими, не будь в этих странах хотя бы ограниченного политического плюрализма! Навивно рассчитывать на то, что закрытость и неподконтрольность элиты являются более предпочтительными средствами утверждения в ее среде антикоррупционных стандартов поведения, чем «прозрачность» – пусть даже весьма относительная – ее деятельности.

Другое дело, что в большинстве посткоммунистических стран гражданское общество еще только формируется и пока явно неспособно к осуществлению действенного гражданского контроля за властью. Но все-таки движение в этом направлении есть, хотя скорость его, понятно, невысока. Например, российское общество постепенно начинает все в большей степени осознавать себя как реальную величину, как заказчика и потребителя услуг государства, а также понимать, какую негативную роль в жизни страны играет коррупция. «Что, на Ваш взгляд, является сейчас главным препятствием на пути экономического подъема в России?», – спрашивали россиян социологи «Левада-Центра» в июне 2007 г. 43% опрошенных выбрали ответ «коррупция, разбазаривание государственных денег и имущества» и еще 29% – «сопротивление чиновников, бюрократии». [4] Наряду с этим большинство россиян уже сегодня понимают, что коррупцию можно победить только объединенными усилиями государства и общества – это ли не свидетельство значительных изменений, произошедших в общественном сознании за последние годы? Вот как распределились ответы респондентов на вопрос социологов Фонда ИНДЕМ «Есть разные мнения по поводу возможности победить коррупцию в России. Какая из точек зрения, представленных ниже, кажется вам наиболее правильной?» (опрос проводился в 2005 г.): «коррупция будет побеждена, если Президент захочет бороться» – 16,7%; «в России воровали и будут воровать всегда» – 25,8%; «коррупцию можно победить только всем миром» – 51,4%; «затрудняюсь ответить» – 6,1%. [5]

«Какие меры по борьбе с коррупцией Вам представляются наиболее эффективными?», – спрашивали россиян социологи ВЦИОМ в ноябре 2006 г. По 38% респондентов выбрали варианты «усиление контроля за деятельностью чиновничества

со стороны общества и демократических институтов» и «совершенствование законодательной базы»; 36% высказались за конфискацию имущества не только коррупционеров, но и членов их семьи; 26% – за сокращение государственного аппарата; 16% – за введение смертной казни за коррупцию и экономические преступления; 15% – за поощрение, в том числе материально, добровольных информаторов о фактах коррупции; 12% – за наделение правоохранительных органов дополнительными полномочиями и финансированием; 11% – за легализацию наименее социально-опасных видов коррупции («часовых», подарков врачам и учителям и др.); 7% затруднились ответить. [6]

Ответы россиян на вопросы социологов свидетельствуют о том, что наше общество не только вполне адекватно оценивает масштабы коррупции и отчетливо осознает исходящие от нее опасности, но и имеет достаточно реалистичные представления о мерах борьбы с этой социальной болезнью. Более того, немалое число россиян заявляет о своей готовности внести личный посильный вклад в эту борьбу. Особенно обнадеживает тот факт, что почти каждый четвертый опрошенный россиянин понимает значимость такого фактора, как необходимость обеспечения большей открытости работы всех организаций и ведомств, установления постоянного контроля за этой работой со стороны независимых СМИ, общественных организаций. Конечно, значение этого факта не стоит преувеличивать, поскольку демонстрация вербальной приверженности такой ценностной установке вовсе не гарантирует того, что человек готов лично принимать участие в таком контроле. Но и преуменьшать значимости таких ценностных установок тоже не стоит, поскольку они отражают глубокие перемены, происходящие в общественном сознании, свидетельствуют о постепенном изживании патриархально-патерналистских представлений, о росте гражданского самосознания. Симптоматично, на мой взгляд, что в президентский Национальный план противодействия коррупции были включены многие меры, которые энергично поддерживает общество.

И последнее. Зарубежный опыт учит тому, что борьбу с коррупцией ни в коем случае нельзя прекращать ни на минуту и что не стоит ожидать быстрых положительных результатов. В странах, сумевших добиться серьезных успехов в этой борьбе, воспринимали ее не как разовую кампанию, а как долгосрочную политику. Коррупция многолика и способна к многочисленным превращениям, «мутациям», а потому «полная и окончательная» победа над ней в принципе невозможна. Поэтому, каких бы впечатляющих успехов в профилактике и пресечении коррупции ни добилась та или иная страна, она не может себе позволить почивать на лаврах. В противном случае все затраченные ею усилия окажутся напрасными. И наоборот: какими бы скромными ни были успехи в этой борьбе, они не должны быть поводом для уныния, разочарования и утраты решимости ее продолжать. Настоящие, большие успехи в этой борьбе пришли только к тем странам, чьи руководители и рядовые граждане были оптимистами – в том смысле, который имел в виду Ж. Дюгур, тонко подметивший, что «подлинный оптимизм покоится не на убеждении, что все будет хорошо, а на убеждении, что не все будет плохо». Это один из самых важных уроков антикоррупционной борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 17. (Выделено мной. – В. Р.)
2. Там же. С. 19.
3. Там же. С. 25. См.: Коррупция как препятствие на пути экономического подъема России (<http://www.levada.ru/press/2007062701.html>).
- 4.

5. См.: Сатаров Г.А. Установка респондентов и коррупция // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С. 52.
6. См.: Пресс-выпуск № 584. Коррупция в России и как с ней бороться (<http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/3642.html>).

Салганова Е.И., г. Челябинск

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТИПЫ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

В условиях социальной трансформации современного российского общества гражданская культура учащейся молодежи характеризуется кризисным состоянием, противоречивым поиском мировоззренческих ориентаций, определения оптимальных форм сочетания индивидуальных и общественных интересов в жизнедеятельности личности, пассивностью в политической и общественной жизни. Она формируется в условиях низкого уровня гражданско-патриотической, духовно-нравственной, правовой культуры общества.

Понятие «гражданская культура» достаточно многозначно, выделяют ряд подходов к его изучению: аксиологический [6, 2, 1, 4], гносеологический [2, 7, 8], деятельностный [5], системный [3] и др. Мы в своем исследовании гражданскую культуру определяем как особое взаимодействие личности и общества на основе разделяемых гражданских знаний, норм, ценностей, обеспечивающих ей реализацию потребностей функционирования и развития общества за счет активного участия в решении актуальных для него проблем.

Формирование и развитие гражданской культуры учащейся молодежи, выступающей важной подсистемой общей культуры, обусловлено совокупностью взаимосвязанных объективных и субъективных факторов социально-экономического, социокультурного, социально-политического характера. При этом, факторы оказывают как непосредственное (например, кризис ценностей и норм в обществе, СМИ, референтная группа (друзья, знакомые), так и опосредованное (например, уровень жизни семьи родителей, молодежные общественные объединения) влияние на формирование и развитие отдельных элементов гражданской культуры.

В качестве основных объективных факторов, влияющих на состояние гражданской культуры учащейся молодежи выступают: уровень жизни семьи родителей; образование; средства массовой информации, формирующие «образ» гражданина в общественном мнении; государство (органы власти); семья; референтная группа (друзья, знакомые); кризис ценностей и норм в обществе; отсутствие гражданского общества, правового государства; молодежные общественные объединения. Ведущими субъективными факторами являются: наличие / отсутствие гражданских качеств; общественная активность / пассивность; наличие / отсутствие интереса к получению знаний о гражданственности.

Результаты исследования показали, что материально-бытовое положение семьи родителей негативно влияет на гражданскую культуру учащейся молодежи. 71% школьников и 65% учащихся профессионального училища указали средний уровень жизни семьи родителей (“на жизнь хватает”). 38% школьников и 43% учащихся профессионального училища в качестве одной из главных причин снижения гражданской культуры учащейся молодежи указывают материальное положение родителей.

Наряду с социально-экономическими факторами большое значение имеет образование. Исследование показало, что большинство учащихся (64% школьников и